

Лексика подсечно-огневого земледелия

в деловой письменности Устюжского уезда XVI—XVII вв.

Лексика подсечно-огневого земледелия с давних пор привлекала внимание лингвистов [1]. В большинстве языковедческих работ эти термины рассматриваются попутно, при описании других лексико-семантических групп. В некоторых исследованиях комментируются лишь отдельные слова. Наряду с языковедческими работами несомненную ценность имеют исследования по аграрной истории, где даются толкования значения многих утраченных литературным языком и диалектами древних терминов подсечно-огневого земледелия, а также приводятся сведения о локализации и хронологии их [2].

Интерес к данной лексико-семантической группе слов не случаен. Это один из самых древних, активных и важных слоев лексики славянского происхождения, история которого хорошо прослеживается по материалам деловой письменности и данным современных говоров. Обращение к истории терминов подсечно-огневого земледелия дает возможность затронуть многие важные вопросы русской исторической диалектологии: выявление новых локальных явлений ранней поры, формирование новых диалектных объединений разных периодов развития русского языка, проблему междиалектного контактирования и т.п.

По словам историка Г.Е. Коцина, подсечно-огневое земледелие было развито посеместно на Руси вплоть до XII—XIII вв. [3] С середины XIII в. оно постепенно начинает заменяться паровым, или пащенным, но процесс этот совершился медленно и не одновременно на всей территории Московского государства. Рассмотрение истории лексики подсечно-огневого земледелия в говорах Устюжского у. интересно хотя бы уже потому, что на этой территории оно сохранялось как дополнение к полевому (пащенному) длительный период, вплоть до XX в. Естественно, что в отношении частотности использования и разнообразия терминологии подсечно-огневого земледелия деловые документы Устюга Великого выгодно отличаются от актового материала других регионов.

Терминология подсечно-огневого земледелия Устюжского у. XVI—XVII вв. была весьма разнообразна. В состав ее входили слова: *новина, новинка, дерюга, льнище, деръба, ржище, притерел, репище, новочисть, новоросчиств*.

Наиболее частотные термины, имеющие широкий ареал, — *новина* и *новинка*. Они отмечены в документах ряда станов и волостей Устюжского и Тотемского у. в значении ‘вырубленный и выжженный под пашню участок крупного леса, подсека’: А между промежь деревнями Золотавцовыми да Слободкою... на сосну на большую... а отъ той сосны къ *новинѣ* прямо на угольную яму, отъ ямы возлѣ *новину* по край лѣсу... через новину на сосну на рубежную по край *новину* стоит (Делов. гр. Сухон. ст. 1601г.; АВУМ 100); а на тѣ нам подмощные денги выѣбчи *новины* четверть ста въ первой годъ, а въ другой годъ выжетчи и выпрятати, и посѣти (поярдная И. Ерофеева Яхр. вол. 1634; АХУ XIV, 944).

География слова в современных вологодских говорах совпадает с ареалом его по данным актовой письменности. Термины *новина* и *новинка* ‘подсека’ известны диалектам Великоустюгского, Кич-Городецкого, Никольского, Бабушкинского, Тарногского, Вожегодского районов: *Навина* — это место в лесу, деревья вырубали, потом землю пахали (Ник. Полежаевка); *Навина* — поляна, где лес вырублен (В-У Будрино); Здесь говорят носили лапти-то, как *новину* катили (Тарн. Филимоновская). В говорах Кич.-Городецкого района в значении ‘подсека’ употребляется слово *новинка*: Место в лесу выжигали под лен — это *новинки* (К-Г Шестаково) — КСВГ.

По данным картотеки СРЯ XI—XVII вв. и областных словарей, ареал этого слова с давних пор охватывал территорию Северо-Востока. *Новина* и *новинка* ‘подсека’ зафиксированы в онежских, холмогорских, вожских и двинских источниках: расчищают *новины* через 5 лет (Запросн. Холмогор. окр. XVIII в.; Сев. Р. I, 221); Да Митя Лександров складниками заплатил дань и оброк по сотной... с Софоновские деревни... да с Носковыхъ *новин* 6 алтын (Сотн. пам. Троиц. вол. Важ. у. 1593; САС III, 358). Материалы русских говоров XIX в. дают в основном тот же ареал (оленецкие, архангельские, каргопольские, онежские, верхнетоемские, пинежские, шенкурские, пермские диалекты) — КСРНГ. Южнее,

в ярославских и московских говорах, это слово в таком значении неизвестно [КЯОС, 125; Иванова, 292]. В ряде диалектов новина употребляется в значениях ‘целина’ и ‘тканый материал’ (КСРНГ). На наш взгляд, на территории исследуемого региона располагается юго-западное окончание ареала термина *новина* в значении ‘подсека’. Основная зона его распространения — архангельские и пермские говоры.

Менее частотны в документах Устюжского у. XVII в. слова *дерюга* и *ржище*. Эти термины употреблялись в одном и том же значении, но варьировались территориально: *дерюга* был известен говорам Тотемского у. и южной части Устюжского, *ржище* — диалектам северных станов Устюжского у. Слова *дерюга* и *дерюжка* в значении ‘подсека под посев зерновых’ документированы источниками Шарженгской вол. Устюжского у.: Новоросчистное повинное мъсто и черной лъсь... свърх рѣчки Рябихи к Вавилкова *дерюге* по верхнюю сторону увал, а с того увала за рѣчку Шипшенгу на Ивашка Прокопьева *дерюги* (П.К. Шарж. вол. 1680, 38); а межа... оть рѣчки Аргуновки на березу да уголную яму и по край *дерюшки* и на россоховатую ель (Там же, 16) В СРЯ XI—XVII вв. в таком значении это слово не отмечено.

Ареал лексемы *дерюга* по материалам говоров XIX—XX вв. несколько шире и охватывает восточные вологодские диалекты — грязовецкие, нюксенские, великоустюгские, тотемские, никольские. Было известно это слово и говорам Кичменгско-Городецкого района, поскольку на территории Нижне-Ентальского сельсовета активен топоним *Дерюги* (КСВГ). Более древнее значение ‘место, расчищенное из-под леса под посев зерновых’ лексема *дерюга* сохраняет в тотемских говорах (СРНГ VIII, 27—28) [4]. В других диалектах она употребляется с поздними, вторичными значениями: ‘маленькая поляна’ (великоустюгские), ‘небольшой лесок, выросший на очищенном от леса месте или в поле’ (нюксенские), ‘место, поросшее мхом или мелким лесом’ (грязовецкие, никольские) — СРНГ VIII, 27—28. Не вызывает сомнения тот факт, что все эти вторичные значения восходят к более раннему ‘подсека’. Помимо восточных вологодских говоров, слово *дерюга* известно еще северодвинским, где оно выступает в позднем значении ‘перелож-

ная пашня' (Там же). *Дерюга* — слово узкого ареала, поскольку в других диалектах в таком значении не отмечено (СРНГ). Можно полагать, что данная лексема — инновация диалектов Тотемского и Устюжского у.

В северных говорах Устюжского у. в таком же значении, как *дерюга*, употреблялось слово *ржище*: да на *ржище* посияно овса четыре четверика... да на *ржище* посияно ячм'ни два четверика (Кн. для записи посейн. хлеба Тр.-Глед. мон., 1536; ГАВО. Ф. 693. Оп. № 1. № 79. Л. 1, 24, 31; волости Утмановская, Орловская, Ивановская, Яхренская, Комарицкий стан и др.).

В прионежских, новгородских, архангельских (холмогорских, пинежских, лешуконских), курских, рязанских говорах, в диалектах Урала и Сибири *ржище* — это 'пашня, засеянная рожью, или ржаная нива' (КСРНГ). И только в архангельских вельских диалектах оно отмечено в значении 'поле, засеянное рожью по вырубленному и сожженному лесу' (КСРНГ). Как видно, северные устюжские говоры, где слово *ржище* относится к терминологии подсечно-огневого земледелия, составляют восточную часть ареала данного лексического явления, основная территория распространения которого — архангельские вельские говоры.

С близкими значениями употреблялись в устюжских говорах XVII—XVIII вв. термины *льнище* и *дерба*. *Льнище* — 'подсека на мелколесье под посев льна' — документировано памятниками Устюжского у. начала XVII в.: Да что земля въ Григорьевскомъ полъ Батаково *льнище* по стороне ея поженка, и та земля и поженка въ Григорьевском полъ для ради огорода (Делов. Ерогоад вол. Уст. у. 1607; АВУМ I, 80). Как термин подсечно-огневого земледелия слово *льнище* сохранилось в говорах Великоустюгского, Кичменгско-Городецкого, Никольского районов, занимающих территорию, относившуюся в прошлом к Устюжскому у.: Раньше отмеривали полосы леса, вырубали его, катили *новинки*, потом боронили деревянной бороной, на *льнишие* сеяли лен (В-У Усть-Алексеевское); *Льнишие* — подсека по первому году, после уборки льна выкорчевывали пни, это уже новочисть. (Там же); *Льнишиа* — это огнем сожгли, а сперва вырубить (К-Г Ушаково).

В Никольском районе отмечен топоним *Третьегодное Льнище*: На *Третьегодном Льнище* рожь сеют (Терехино) [5].

Помимо великоустюгских говоров, *льнище* ‘подсека’ известно вытегорским, архангельским, каргопольским, верхнетоемским, шенкурским, пинежским, холмогорским (КСРНГ).

Как видно, ареал *льнище* в этом значении охватывает говоры, расположенные по течению Онеги, Сев. Двины и ее притокам. Великоустюгские и кичменгско-городецкие диалекты, где фиксируется этот термин подсечно-огневого земледелия, составляют южную оконечность ареала данного лексического явления.

Широко распространен термин *льнище* в ином значении — ‘поле, на котором сеют лен’. По материалам картотеки СРНГ, в таком значении он отмечен в псковских, новоржевских, славковских; новгородских; прионежских, олонецких; вытегорских; калининских старицких; архангельских, шенкурских, холмогорских; вятских, вожгальских, медянских; калужских; диалектах Среднего Урала, Сибири (КСРНГ).

Можно полагать, что *льнище* — ‘подсека из-под мелкого леса под лен’ — местная инновация северодвинской диалектной зоны.

Слово *дерба* в говорах Устюжского у. XVII в. не относилось к терминологии подсечно-огневого земледелия, оно имело значение ‘залежь, целина’. Именно так толкуется данный термин в СРЯ XI—XVII вв. — ‘залежь, заросшая пашня, с которой сдирается (срезается) верхний слой’: Да *дербы* мне подпет и въ два года на мѣру на рож по полумѣре на год (Колл. Зинченко; № 32, сст. 2, 1633) — СРЯ XI—XVII вв., IV, 219 [6]. Термин *дерба* фиксируется в документах Троице-Гледенского монастыря XVIII в. (г. Устюг Великий), причем приводятся сведения по соседнему с Устюжским Усольскому у.: в *дербу* посияно овса четыре четверика... в *дербу* посияно овса три четверика (Кн. посейн. хлеба Усольск. у. Пятниц. сельцо 1736; ГАВО. Ф. 693. Он. 1. № 79. Л. 41—41об.). Значение слова в контексте вскрыть трудно, однако можно полагать, что *дерба* — ‘подготовленная под посев залежь, целина’.

Как свидетельствуют материалы русских говоров XIX в., в южной части Устюжского у. *дерба* имело иное значение и являлось термином подсечно-огневого земледелия; оно, как и *льнище*, обо-

значало ‘подсеку на мелколесье’. Учитывая этимологию, можно утверждать, что *дерба* — это ‘раскорчеванная подсека’. В таком значении ‘раскорчеванная подсека под лен’ — это слово имело узкий ареал и фиксировалось по преимуществу в юго-восточных устюжских говорах (СРНГ VIII, 9) [7]. В никольских диалектах сочетание *дербу дратъ* означало ‘расчищать под пашню мелкую заросль, с выкорчевкой, сдирать моховину и кочкарник, дернину’ (Д I, 429). Об активном бытовании этого слова в никольских говорах свидетельствует микротопонимия — названия сенокосных угодий *Егорихина Деръба*, *Грязная Деръба* (КСВГ).

В памятниках Псковского у. регистрируется однокоренное *дербина* в значении ‘залежь’: И живучи мнъ с тое деревни по выделу монастырской пятиной хлъбъ отвозити въ монастырь по вся годы... и пашня роспахати, и пожни роскосити, и *дербина* роздирати (Порядн. кр-на И. Изборянкина 1629; АИТН I, 13). В конце XIX в. это слово отмечено в новгородских, вадайских, петербургских петергофских, архангельских пинежских говорах (СРНГ VIII, 7). По всей вероятности, слово *дербина* занесено в архангельские говоры в отдаленном прошлом новгородской колонизацией, а *дерба* ‘подсека’ — местная инновация южных устюжских (никольских) диалектов.

К терминам подсечно-огневого земледелия в говорах Устюжского у. относится лексема *притереб*. Словам с корнем *-тереб-* посвящена значительная литература [8]. По мнению Ф.П. Филина, глагол *теребити* и производные в X—XI вв., раньше на юге восточного славянства, являлись терминами подсечно-огневого земледелия, но вместе с отступлением подсеки на север на юге потеряли значение апеллятива и перешли в топонимы [9]. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарчук, слова с корнем *-тереб-* утрачены в восточнославянском языке в целом и сохраняются как реликтовое явление на крайнем северо-западе северновеликорусского наречия [10].

Из всех лексем с корнем *-тереб-* (*теребъ*, *теребокъ*, *потеребъ*, *притеребъ*) в местных устюжских источниках отмечен только термин *притеребъ* [11]. Это слово весьма частотно в документах Устюжского у. Оно регистрируется при описании земельных уго-

дий ряда станов и волостей (Сухонский стан, Едома, Ерогодские волости, Котовал, Иванов погост, Леонтьевский конец — посад г. Устюга Великого и т.д.): Се язъ Василій Ивановъ сынъ Пряжено-во, изъ Леонтьевского конца... отдалъ есми землю Воронинскую... и съ пожнями, и съ *притеребы*, и съ угодьи, куды топоръ и соха и коса ходила (Посыльная гр. 1594; АВУМ, I, с. 12; см. также Купчая 1525 г., с. 114; Купчая 1526 г., с. 172; Купчая 1551 г., с. 87; Купчая 1583 г., с. 83 и т.д.).

Судя по материалам местной деловой письменности, данное слово употребляется по преимуществу в составе трафаретного словосочетания, обладающего известной устойчивостью: что къ той деревни изстари потягло, куды топор, и соха, и коса ходила и съ пожнями, и съ путики, и съ *притеребы*, и съ езовици (Купчая Уст. у. 1536; Там же. С. 172). Устойчивая формула могла варьироваться: мы владѣли (деревней) по старымъ межамъ и съ лѣсы, и съ *притеребы*, куды топор и соха и коса ходила (Купчая 1583; Там же, с. 83); А отдалъ есми ту четверть плуга... и что къ той четверти изстари потягло, и съ *притеребы* (Посыльная гр. 1577; Там же, с. 18). Поскольку термин *притереб* употреблялся в составе устойчивой формулы, вскрыть значение его представляется трудным. В документах более северных и восточных уездов, где он также весьма частотен, *притереб* — это ‘лесной участок, причищенный под сенокос или пашню’ [12]. Можно полагать, что в данном же значении употреблялось данное слово и в устюжской письменности. Использование его в составе устойчивой фразы наводит на мысль о выпадении этого слова из активного обихода. Материалы современных говоров дают возможность уточнить ареал лексемы *притереб*. На территории, занимаемой вологодскими говорами, она имеет узкий ареал, так как употребляется по преимуществу в говорах северной части Великоустюгского и Тарногского районов.

По памятникам письменности XV—XVII вв. других территорий, *притереб* фиксируется поморскими, двинскими, сольвычегодскими и яренскими актами [13]. По сведениям областных словарей, основная территория его распространения в XIX в. — архангельские, холмогорские, пинежские говоры. Там оно выступает в значении ‘расчищенная под сенокос луговая окраина’

(КСРНГ, Подвысоцкий). На территории, занятой Вологодской группой говоров, располагается лишь южная оконечность ареала данного слова.

В значении ‘вырубленный и выжженный участок леса обычно под посев репы’ употреблялось в документах Устюжского у. XVI — XVII вв. слово *рѣшище*: Онъ же Михайло на *рѣшицахъ* рожь да рѣпу сияль (Список с записи Яхр. вол. Уст. у. 1641; АХУ, XII, с. 219). Ареал *рѣшице* ‘подсека’, выявленный на актовом материале, прослеживается и на материале говоров: данное слово известно кадниковским, великоустюгским, никольским, сольвычегодским диалектам (КСРНГ).

Что касается других территорий, то в прошлом, в языке древнерусской и великорусской народности, *рѣшище* — широкоупотребительное слово. Оно отмечено в смоленских, новгородских говорах, в русских говорах КАССР, в северодвинских, московских, рязанских документах [14]. Г.Е. Kochin регистрирует его в памятниках Бежецкого и Костромского у., в северной части Белозерья и во владениях на севере Новгородской земли [15]. К XX в. ареал данного слова сузился настолько, что совпал с территорией распространения северорусского наречия. Особенно последовательно фиксируется оно в северной части Вологодской и Ладого-Тихвинской групп говоров, а также в Онежской и Лачской межрегиональных группах [16].

В писцовых книгах Устюжского у. XVII в. употреблялись термины *новочисть* и *новоросчисть*, имевшие значение ‘расчищенный под сенокос участок мелкого леса’: а межа... до конец нижнего конца *новочисти*, что чистил дьячок Климко Дорофеев (Вып. из писц. кн. Утм. вол. 1688; ВОКМ. № 2134. Л. 31); и *и рѣчке на Анданге на новоросчисть сто копень* (П. К. Шарж. вол 1680. Л. 13). В актовой письменности Устюжского у. активно им прилагательное *новоросчистной*: *съна по Шарженге... шестьдесят шесть копень и съ новоросчистными* (Там же. С. 21). В этот же период наблюдается выход данного апеллятива в топонимию: *По жня Новочисть подль Морозовской островъ* (Список с закладн. 1671; АХУ, XII, с. 431). Как считает Н.С. Бондарчук, эта лексема ‘давних пор локализуется к северо-востоку от Москвы, поскольку

документируется онежскими, вожскими, двинскими, нижегородскими, владимирскими, костромскими, московскими, рязанскими источниками [17].

Наряду с *новочисть* в современных вологодских говорах употребляются в том же значении однокоренные лексемы *чищенина* (тарногские говоры), *чищеник* (тотемские), *чищоба* (верховажские), *чищенка* (никольские), *почистка* (великоустюгские) — КСВГ. Следует подчеркнуть, что в имеющейся в нашем распоряжении деловой письменности XVI—XVIII вв. они не зафиксированы.

Помимо тарногских, слово *чищенина* употребляется в прионежских, архангельских, холмогорских, шенкурских, пинежских, кеврольских говорах. По материалам картотеки СРНГ, термин *чищоба* 'подсека' известен архангельским вельским, пермским, пензенским, вятским, нижегородским, владимирским, слово *чищеник* отмечено в новгородских боровичских и калининских осташковских (КСРНГ).

Как видно из сказанного, значение терминов подсечно-огневого земледелия в устюжских говорах XVI—XVII вв. было четко дифференцировано, за каждым словом закреплено свое специфическое содержание, поскольку соответствующие денотаты отличались разнообразием. Так, *новина* и *новинка* — это 'подсека под посев в крупном девственном лесу', *дерба* — 'подсека на мелколесье с выкорчеванной растительностью', *льнище* — 'подсека на мелколесье под посев льна', *репище* — 'подсека под посев репы', *новочисть* — 'расчищенный под покос участок мелкого леса', *притереб* — 'расчищенная под покос луговая окраина' и пр. Выделялась значительная группа слов, обозначавших лесной участок, разработанный под посев, — *новина*, *новинка*, *дерба*, *дерюга*, *льнище*, *репище*, *ржище*. Лесной участок, разработанный под покос, обозначался лексемами *новочисть*, *новоросисть*, *притереб*. Обращает на себя внимание тот факт, что более дифференциированными в XVII в. оказались названия подсек под посев.

Лексика подсечно-огневого земледелия в устюжских говорах XVI—XVII вв. обнаруживает тесные связи с соответствующей терминологией северодвинской диалектной зоны. Основная терри-

тория бытования терминов *новина*, *льнище*, *притереб*, *ржище*, *чищенина* — северодвинская диалектная зона. На территории Устюжского у. располагались в XVII в. лишь южные окончания ареалов данных лексем. Распространение терминов *новочист* и *чищоба* было более широким и охватывало северо-восточную диалектную зону. В Устюжском у. фиксировались западные окончности ареалов этих слов. К местным инновациям относятся термины *дерюга* и *дерба* 'подсека'.

С течением времени в связи с активизацией полевого (пашенного) земледелия в Устюжском у., в связи с нивелирующим влиянием литературного языка происходят значительные изменения в составе данной лексико-семантической группы. Многие термины архаизируются и выпадают в этих значениях из речевого обихода (*ржище*, *притереб*), ареалы других слов сужаются. В современных великоустюгских, никольских, тарногских, кичменгско-городецких говорах ряд терминов вообще выходит из состава лексики подсечно-огневого земледелия и выражает понятия, связанные с полевым (пашенным) земледелием. Так, например, в кичменгско-городецких говорах *дерба* — это уже не подсека, а 'сухое, открытое место в лесу, сенокос' (Н.-Енталыское), *ржище* — не подсека, а 'поле, которое дает самый высокий урожай ржи'. В бабушкинских говорах *льнище* — это не подсека, а 'поле, где рос лен'. Ряд терминов подсечно-огневого земледелия переходит в состав географической терминологии: в нюксенских диалектах *дерюга* — 'небольшой лесок', в грязовецких — 'место, поросшее мхом и мелким лесом'.

Некоторые слова сохранились в составе лексики подсечно-огневого земледелия, однако они в такой степени изменили свое семантическое содержание, что трудно уже говорить о четкой дифференциации значений. В ряде говоров происходит расширение и сужение их значения. В кичменгско-городецких диалектах *льнище* — это 'подсека под посев любых сельскохозяйственных культур', а не только льна (Ушаково), в то время как *новина* — 'подсека под лен' (Шестаково, Суд-гора). То же можно наблюдать в тарногских (Коротковская) и великоустюгских (Б. Слобода) диалектах.

Примечания

1. Потебня А.А. К истории звуков русского языка. Этимологические заметки. — Ч. 1 и 2. — Варшава, 1880—1883; Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. УЗ ЛГПИ им А.И. Герцена. — Т. 80. — Л., 1949; его же. Происхождение русского, украинского, белорусского языков. — Л., 1972; Смолицкая Г.П. Апеллятив и топоним в составе народного говора // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. — 1972. — М., 1974; Бондарчук Н.С. Проблемы исторической региональной лексикологии. — Калинин, 1978 и др.
2. Советов А.В. О системах земледелия. — СПб., 1866; Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. — СПб., 1891; Kochin G.E. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства с конца XIII до начала XVI в. — Л., 1965; Петров В.П. Подсечное земледелие. — Киев, 1968 и др.
3. Kochin G.E. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства с конца XIII до начала XVI в. — С. 141.
4. В работах историков, исследовавших систему земледелия в Тотемском у., термин *дерюга* употребляется в значении 'выжженный участок леса под посев пшеницы, ячменя, ржи' (Скворцов А. Бережнослободская вол. Тотемского у. Вологодский сборник. — Т. 2. — Вологда, 1881. — С. 28; Загорский П.А. Первый шаг в деле улучшения полевой культуры у крестьян Тотемского у. Вологодской губ. — М., 1885. — С. 65—66, 68—69).
5. «В Вологодской, Олонецкой и частью Костромской губ. лен сеют почти исключительно на подсеках». (Петров В. Подсечное земледелие. — С. 153; см. о подсеках-льнищах у И.П. Щекотова. Лесопольная система хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1884. — № 10. — С. 66, 103, 176, 189 и т.д.).
6. Судя по наличию метрологической единицы *мѣра*, иллюстрация относится к документам Устюжского у.
7. По мнению историка Г. Потанина, дербы в Никольском у. — места, выжженные под лен. Потанин Г. Никольский у. и его жители. Древняя и новая Россия. 1876. — Т. 3. — С. 148.
8. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского, белорусского языков. — Л., 1972; Смолицкая Г.П. Апеллятив и топоним в составе народного говора; Бондарчук Н.С. Семантическое поле земля по способу подготовки для сельскохозяйственного использования в географической проекции // Лексико-грамматические исследования по русскому языку. — Калинин, 1977 и др.
9. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского, белорусского языков... — С. 548.
10. Бондарчук Н.С. Проблемы исторической региональной лексикологии... — С. 33.
11. По материалам топонимики в далеком прошлом в диалектах исследуемого региона употреблялись и другие термины с этим корнем. В Вологодском у.

в XIX в. зафиксирован, например, микротопоним *Гостинной Теребок* (название сенокоса) // ВГВ. — 1841. — Октябрь.

¹² Бондарчук Н.С. Проблемы исторической региональной лексикологии. — С. 21–22.

¹³ Там же.

¹⁴ Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья. Очерки по лексике севернорусских говоров. — Вологда, 1975. — С. 66.

¹⁵ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси... — С. 223.

¹⁶ Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья... — С. 66.

¹⁷ Бондарчук Н.С. Семантическое поле земля... — С. 14–15.

Условные сокращения

АВУМ — Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. — Ч. 1. — В. Устюг, 1912.

АХУ — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. — Ч. II. — СПб., 1894. — Ч. III. — СПб., 1908.

ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей

ВГВ — Вологодский губернские ведомости

В-У — Великоустюгский район Вологодской области

К-Г — Кичменгско-Городецкий район Вологодской области

Ник. — Никольский район Вологодской области

П.К. Шарж. вол. — Выпись из писцовых книг Шаржентской вол. 1680 // Источники истории г. Вологды и Вологодской губ. XVII в. — Вологда, 1912.

САС III — Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. — Вып. III. — Вологда, 1973.

Сев. Р. — Колесников П.А. Северная Русь. — Вып I. — Вологда, 1971.

Тарн. — Тарногский район Вологодской области.